

Алтарь Победы

А. Г. Караяни

Еще свежи впечатления от грандиозного праздника, посвященного дню Великой Победы. Беспрецедентный по масштабам и составу участников военный парад, великолепный праздничный фейерверк, многочисленные акции, адресованные ветеранам, — все это всколыхнуло народную память, чувства россиян, сплотило людей, создало почву для пробуждения национального самосознания.

Все это действительно здорово! Но мне представляется, что лучшим памятником героям и жертвам Великой Отечественной войны явилось бы извлечение уроков из этого драматического события в истории нашей планеты. Уроков для всего человечества, для нации, для отдельного человека, для каждого профессионального сообщества. Психологи должны извлечь собственные, психологические уроки.

Великая Отечественная война многому нас научила. Она, по существу, явилась величайшим экзаменатором, экспертом и, одновременно, «продюсером» психологии. В ходе этой войны обнаружили практически безграничные возможности этой науки в деле укрепления обороноспособности и безопасности государства. Ее история является уникальным хранилищем еще не до конца осмысленных, но уже изрядно подзабытых нами психологических идей и технологий.

Извлечь и усвоить уроки из прошедшей войны — это значит избежать нелепых и трагических ошибок в новых ис-

пытаниях, держать «психологический порох» сухим, в критических ситуациях разумно и эффективно использовать огромный потенциал психологии во благо государства и его народа.

Извлечь объективные уроки из такого предельно объективного события, как война, — дело весьма субъективное и крайне неблагодарное. Но мы попытаемся сформулировать основные из них.

Первый урок, который психологи должны усвоить из опыта Великой Отечественной войны, состоит в том, что государство, общество, профессиональные сообщества должны быть потенциально готовыми к войне.

На современном этапе развития общества призывы «помнить войну», «быть готовым к войне» для большинства людей выглядят не вполне уместными. Но давайте выполним простейший тест на логическое мышление.

«Существует государство, которое считает достижение собственных национальных интересов своей сверхмиссией. Это государство считает себя вправе распоряжаться судьбами народов мира, деля их на «правильные» и «неправильные». Оно планомерно окружает Россию военными базами, создает вокруг нее боевую инфраструктуру, уверяя, что эти, очевидно военные, приготовления направлены против других государств, а Россия-де ее друг. Армия этого государства интенсивно приобретает боевой опыт в разных регионах мира. Оно проявляет огромный интерес к России, ее языку и культуре. За знание русского

Караяни Александр Григорьевич
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой психологии
Военного университета,
член Экспертного совета ВАК России
по военной науке и технике,
член Совета по психологии УМО
по классическому университетскому
образованию, действительный член
Академии военных наук, президент
межрегиональной общественной
организации «Общество психологов
силовых структур», лауреат
Государственной премии им. Маршала
Советского Союза Г.К. Жукова.
Автор более 100 работ
(общий объем — более 300 п. л.)
по проблемам психологии войны, боя,
информационно-психологического
противоборства, психологической
реабилитации ветеранов и инвалидов
боевых действий, психологии общения
и переговоров в экстремальных
условиях, психологии терроризма.

языка и языков других народов России офицерам и солдатам доплачиваются огромные надбавки. Число военнослужащих, получающих такие надбавки, уже достигло нескольких тысяч человек. Под видом туристов десятки офицеров этой страны ежегодно курсируют по России. В это же время в России идет кардинальная военная реформа, сопровождающаяся коренным изменением штатной структуры Вооруженных Сил, радикальной сменой командного состава. Разговоры о возможности войны среди россиян не популярны и даже предаются остракизму. Россияне благодунны и близоруки».

Вопрос: «Какой год российской истории имеет в виду: 1941 или 2010?».

В 1941 году российские психологи, к сожалению, не смогли обнаружить приближающуюся беду. Приведу несколько слов из воспоминаний нашего выдающегося психолога А.Н. Леонтьева: «21 июня 1941 года меня провожали со «стрелой» милые друзья мои — ленинградцы; мы легкомысленно строили планы на лето, ...бесконечно много шутили и смеялись. Утром 22-го я был в Москве ...через час завтракал уже на даче. Через полчаса пришел А.Р. Лурия и возвестил о начавшихся военных действиях. Мы очутились в другой эпохе ... Очень скоро я оказался в ополченской части, в штабе полка, марширующего на Запад» (Кольцова В.А., Олейник Ю.А., 1990).

Эта профессиональная близорукость наших психологов дорого обошлась им, психологической науке и практике военного времени. Из-за нее многие выдающиеся психологи воевали с врагом на должностях, на которых их профессиональный потенциал не был востребован. Так, А.Г. Ковалев, В.И. Киреев, М.Ф. Громов, Е.И. Игнатев, А.И. Щербаков, С.Н. Шебалин занимали командные посты; Г.Д. Луков, В.И. Кауфман, Ю.А. Самарин служили рядовыми; В.Н. Мясичев, К.К. Платонов, В.Н. Колбановский находились на ответственных медицинских постах; А.В. Ярошенко, А.А. Люблинская, Т.А. Репина служили на должностях младшего медицинского персонала. В качестве военнослужащих прошли всю войну Г.З. Рогинский, Б.О. Хотин, Ф.Н. Шемякин, А.Л. Шнирман, Д.Б. Эльконин. На Ленинградском фронте в течение всей блокады воевали А.В. Веденов, А.Г. Коварев, А.Ц. Пуни, Ю.А. Самарин. А.А. Смирнов сражался в партизанском отряде. Получили на фронтах ранения и контузии Е.С. Кузьмин, М.Ф. Морозов, А.З. Редько. Несли службу на постах ПВО А.А. Бодалев, Е.В. Гурьянов, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев. А психологи Л.М. Шварц (заместитель директора Института психоло-

гии), И.И. Волков, Ф.И. Муплев (сотрудники института), П.С. Любимов (доцент МГПИ им. В.И. Ленина) положили свои жизни на алтарь победы (Рубинштейн С.Л., 1943; Смирнов А.А., 1975).

Извлечь и усвоить уроки из прошедшей войны – это значит избежать нелепых и трагических ошибок в новых испытаниях, держать «психологический порох» сухим, в критических ситуациях разумно и эффективно использовать огромный потенциал психологии во благо государства и его народа.

Сегодня политологи, социологи, историки активно анализируют актуальные и потенциальные военные угрозы для России. Психологи, имея в своем распоряжении мощный аппарат научного анализа и прогнозирования, к сожалению, пока делают лишь первые, робкие шаги в этой важнейшей области обеспечения безопасности нашего государства. Стимулом к активизации деятельности на данном направлении могут стать не только всколыхнувшиеся в дни празднования Великой Победы воспоминания, но и заявление Президента России, что «на планете огромное количество оружия, есть люди, которые до сих пор рассматривают войну в качестве средства решения своих политических проблем. Есть, наконец, случайности. Поэтому мы должны быть к этому готовы... Мы должны быть сильными. Мы обязаны быть готовыми к тому, что возникнут какие-то проблемы. Это абсолютно непреложная вещь. Как бы ни были мы миролюбивы, мы должны быть подготовлены к защите нашей страны» (Кольцова В.А., Олейник Ю.Н., 2006).

Что означает это заявление для психологического сообщества страны? *Быть готовым к войне* — это значит быть готовым профессионально — каждому психологу надо иметь в системе собственных профессиональных компетенций такие знания, умения и навыки, которые позволят ему, в случае необходимости, стать военным психологом и нести на алтарь победы не собственную жизнь, а создающий профессионализм.

Быть готовым к войне — это значит располагать научно обоснованными технологиями решения задач психологического обеспечения боевых действий. Среди них: психологический отбор новобранцев; психологический анализ и прогнозирование боевой обстановки, подготовки боя, расстановки воинов с учетом психологической совместимо-

сти; улучшение взаимоотношений в подразделениях; оказание психологической поддержки; психологическая реабилитация психотравмированных и раненых воинов; социально-психологиче-

ская реадaptация участников боевых действий и т. п.

Быть готовым к войне — это значит иметь организационную структуру, способную в короткие сроки консолидировать психологов страны, мобилизовать их усилия на решение оборонных задач.

Второй урок, который следует усвоить психологам России, состоит в признании непреходящей ценности и актуальности военного опыта использования психологии в практике обеспечения обороноспособности страны.

В годы войны были разработаны и проверены жизнью уникальные психологические технологии, направленные на расширение психологических возможностей, повышение боевой активности и эффективности, сохранение психического и физического здоровья воинов, психологического подавления и изнурения противника.

Приведем несколько примеров. 900 дней и ночей фашистская авиация и крупнокалиберная артиллерия наносили целенаправленные удары по блокаде Ленинграда. Враг пытался стереть с лица Земли исторические здания города. В город засылались лазутчики-авианаводчики, которые должны были корректировать точность разрушительных ударов. Тем не менее, в таких тяжелых условиях удалось «спрятать» от врага и спасти величайшие шедевры отечественной культуры — здания Зимнего дворца, Исаакиевского и Кафедрального соборов, Адмиралтейства и многие другие. Это стало возможным во многом благодаря подвигу российских психологов. Так, отдел психологии Ленинградского института мозга им. В.М. Бехтерева с августа 1941 года приступил к практическому решению задачи маскировки зданий Ленинграда. Была создана группа психологов (А.И. Зотов, З.М. Беркенблит, Р.А. Каничева и др.) под руководством Б.Г. Ананьева. Целью камуф-

ляжа городских объектов являлось их сокрытие, деформация и имитация (Каничева Р.А., Ярмоленко А.В., 1985, с. 3–7). Учеными за короткое время были переосмыслены многие теоретические разработки в области восприятия и маскировки, открыты новые закономерности цветового восприятия. В выдвинутых ими рекомендациях содержались конкретные предложения по использованию методов раскраски объектов и фона, освещения маскируемых объектов. Эти рекомендации составляют бесценный фонд технологий победы. Поэтому можно смело сказать: «Защитили Ленинград советские воины и жители города, а сохранили его для потомков – психологи».

темненную по тревоге территорию части, фактически ничего не видит.

В годы войны психология проявила себя как по-настоящему созидательная сила Победы. Пока величайшие военнотехнические умы того времени бились над проблемой, как повысить эффективность средств противовоздушной обороны на 10–20%, психологи осуществили поистине революционные прорывы в этой области. Так, открытие бинаурального эффекта (способности слепых с рождения людей как бы «видеть» объекты с помощью органов слуха) и включение лиц, обладающих им, в состав расчетов ПВО, защищавших небо Ленинграда, позволили сбивать в 4 раза (!)

Сегодня политологи, социологи, историки активно анализируют актуальные и потенциальные военные угрозы для России. Психологи, имея в своем распоряжении мощный аппарат научного анализа и прогнозирования, к сожалению, пока делают лишь первые робкие шаги в этой важнейшей области обеспечения безопасности нашего государства.

Другой пример также подчеркивает значимость выводов и рекомендаций психологической науки для достижения победы над врагом. Еще в конце XIX в. психологами было установлено, что адаптированный к темноте глаз человека относительно нечувствителен к красному свету и максимально чувствителен к синему свету. Знание этого факта позволили совершить революционные прорывы в кино-, фотоиндустрии, автостроении и т. д. Однако по необъяснимой причине французские и английские военные не удостоили вниманием это открытие. Поэтому Париж и Лондон в годы войны «маскировались» с помощью подсветки синим светом. В результате органы зрения военнослужащих расчетов ПВО, защищавших небо над этими европейскими столицами, постоянно ослеплялись синим светом, и именно этот свет был виден фашистским летчикам с максимального расстояния. Трудно сказать, сколькими человеческими жизнями заплачено за этот психологический нигилизм.

Этот урок и сегодня не усвоен до конца. В ряде воинских частей тревожное освещение в казармах почему-то осуществляется с помощью ламп синего света. В результате глаза поднявшегося по тревоге воина тут же дезадаптируются, «слепнут», после чего он, выбегая на за-

больше самолетов врага. А создание А.Н. Леонтьевым и К.Х. Кекчевым препарата ВР10, дало возможность на 700% быстрее адаптировать к темноте зрение летчиков дежурных смен, защищавших Москву. Благодаря этому они могли в 8 раз быстрее подниматься в небо и давать отпор врагу (Кекчев К.Х., 1942; Кольцова В.А., Олейник Ю.Н., 1990).

В результате военных исследований лаборатории психофизиологии Института психологии при МГУ был создан своеобразный «каталог» физиологических стимулов, позволяющих быстро снимать утомление, снижать количество ошибок в действиях и повышать чувствительность органов чувств. Так, было предложено использование очков с рубиновыми светофильтрами, засветки одного глаза красным светом, приятной музыки, черничного киселя, кофеина, глубокого дыхания, обтирания холодной водой затылка и шеи и т. д. Все эти меры существенно расширяли психологические и боевые возможности наблюдателей, разведчиков, расчетов ПВО, позволяли значительно быстрее обнаруживать и уничтожать врага.

Жаль, что многие из этих рекомендаций так и не нашли своего воплощения в руководящих документах и поэтому не были использованы в ходе боевых действий наших войск в Афганистане и Чеченской республике.

С.Л. Рубинштейн в статье «Советская психология в условиях Великой Отечественной войны» (1943) перечислил наиболее важные пункты приложения психологической науки к боевой деятельности войск. Среди них: исследование путей повышения перцептивных возможностей военнослужащих; изучение методов обучения и подготовки кадров военных специалистов, особенно в технических, специальных родах войск и, прежде всего, в авиации; исследование психологических проблем управления войсками, решения тактических и стратегических задач; решение психологических вопросов дисциплины, эмоционального поведения бойцов, воспитания воинского духа и воли; организация отбора людей для технических воинских специальностей и изучение их способностей; восстановление боеспособности и трудоспособности раненых бойцов; исследование мотивации боевых действий военнослужащих (Рубинштейн С.Л., 1943, с. 45–61).

Интересные и практически значимые достижения имели место в области психологической реабилитации воинов, получивших травмы головного мозга и конечностей. Благодаря научным изысканиям групп психологов под руководством С.Г. Геллерштейна, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева и С.Я. Рубинштейн были разработаны методы и средства восстановления движений раненых бойцов и скорейшего возвращения их к нормальной жизни (Геллерштейн С.Г., 1942, 1943; Леонтьев А.Н., Запорожец А.В., 1945 и др.).

Весьма ценные результаты были достигнуты психологией и в области боевой подготовки войск, информационно-психологического противоборства с противником и т. п. Например, использование методов профессионального психологического отбора лишь в одном учебном артиллерийском центре армии США позволило сэкономить за годы войны 2000 человеко/лет, включая время работы инструкторов.

Третий урок, который следует извлечь из военного опыта психологии, состоит в том, что даже в условиях ограниченного времени необходимо внедрять нововведения лишь после тщательной экспериментальной проверки.

Так, только для изучения влияния удаленности на восприятие цвета в условиях воздушного наблюдения ленинградскими психологами было проведено 300 опытов. Была создана исследовательская методика, предполагающая создание моделей воспринимаемых с воздуха объектов (вражескими летчиками) в пропорциях, соответствующих величинам реальных объектов, воспринимаемых с расстояния от 3 до 12 км.

Другими словами, были построены макеты основных зданий Ленинграда и на них отрабатывались вопросы маскировочной окраски, искажения формы, создания ложных объектов и т. д. (Кольцова В.А., Олейник Ю.Н., 1990). В результате были предложены уникальные технологии маскировки, сохранившие свою ценность по сей день.

Сотни экспериментов были также проведены московскими психологами, прежде чем предложить войскам рекомендации по профилактике утомления, снежной слепоты, по повышению эффективности наблюдения и войсковой маскировки, оптимизации боевой подготовки и т. п.

Этот урок особенно важен сегодня, когда идет радикальная реформа психологической структуры Вооруженных Сил и когда находятся люди, предлагающие военному и государственному руководству экспериментально непроверенные рекомендации. Так, предполагается, что в результате реформы в воинских частях почти на 2 тыс. человек будет приходиться один специалист-психолог. В то время как в существующих нормативах указывается, что психолог может быть эффективен, если он ориентирован на работу не более чем с 500 людьми. Аналогично решается вопрос с оснащением пунктов психологической помощи и реабилитации воинских частей. Если учесть, что в часть ежегодно приходят тысячи новобранцев, то только обработка результатов проведенных психологических тестов надолго оторвет психологов от исполнения ими повседневных обязанностей. Очевидно, что при таких масштабах диагностики нельзя обойтись без компьютерных систем обсчета диагностических материалов. И здесь не помешала бы серия хороших экспериментов.

Четвертый урок, преподанный военной психологией состоит в том, что вся система психологической работы в боевой обстановке должна строиться на научно обоснованных психологических моделях боевой деятельности.

В истории военного искусства хорошо известен следующий пример. В довоенный период и на начальном этапе войны отечественное военное искусство рассматривало систему обороны как совокупность одиночных ячеек для стрелков. Приводились соответствующие тактические и математические расчеты и обоснования такой системы. Однако, как оказалось, человеческая психика предъявляет свои требования к тактике обороны. Многие психологические феномены, побуждающие боевую активность, такие как: коллективное мнение, настроение, оценки, санкции, психическое заражение, подражание, межличностное влияние и др., — при «ячей-

стой» обороне не «срабатывали». Зато, согласно наблюдениям К.К. Рокоссовского (побывавшего в солдатской ячейке), усиливалось беспокойство, стремление воинов выбежать и заглянуть, сидят ли его товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а он остался один. Военные руководители учли психологические факторы оборонительного боя, и наши войска уже в ходе войны отказались от ячейистой и перешли к траншейной системе обороны.

В годы войны были разработаны и проверены жизнью уникальные психологические технологии, направленные на расширение психологических возможностей, повышение боевой активности и эффективности, сохранение психического и физического здоровья воинов, психологического подавления и изнурения противника.

Игнорирование психологических составляющих модели боя ведет к неоправданным потерям и поражениям. Так, в первые месяцы боевых действий в Афганистане у наших воинов сформировалось убеждение, что противник существенно превосходит их в боевом мастерстве и эффективности оружия. Такое убеждение появилось потому, что в ряде боев противник, находящийся на расстоянии, не досягаемом для нашего стрелкового оружия, поражал российских воинов с высокой точностью, иногда пробивая бронезилеты. В результате у наших солдат развилось неверие в свое оружие, а как следствие, — уныние и апатия. Однако причиной успехов противника было не их оружие, а психологические тактические приемы. Как правило, при вхождении наших войск в ущелье противник издали производил шумный выстрел или подрыв боеприпаса. Дисциплина огня в нашей армии была крайне слаба. Поэтому в ответ на выстрел противника российскими военнослужащими открывался шквальный огонь из всех видов оружия. Именно этот шум и тот факт, что внимание наших бойцов приковано к месту выстрела, использовались противником в своих целях. В это время замаскированные в укрытиях снайперы врага с расстояния 200–300 метров, используя приспособления для бесшумной и беспламенной стрельбы, в упор расстреливали наших солдат и офицеров. Если бы российские военнослужащие знали о том, что подобный психологический прием не раз использовался советскими войсками и на-

шим противником в годы Великой Отечественной войны при боях в населенных пунктах, они бы имели совсем иную мысленную модель боя и выработали бы другую тактику действий. В этом случае главными факторами успешности боя были бы прописаны «своевременное обнаружение противника» и «высочайшая дисциплина огня».

Во время Великой Отечественной войны наиболее пытливые и инициативные командиры вынесли для себя урок,

что подчиненных нужно готовить к бою на его реальной модели. Они, на свой страх и риск, корректировали требования боевых уставов, руководств и наставлений по огневой подготовке, максимально приближая их к реальной боевой действительности. Если во всем мире учат солдат совершать перебежки на поле боя продолжительностью не более 3-х секунд по сложным траекториям, то зачем готовить бойцов к ведению огня по мишеням, двигающимся прямолинейно в течение 10–12 секунд? Если в качестве целей на поле боя мелькают из-за укрытий отдельные фрагменты лиц и тел, размытые силуэты пригибающихся к земле людей, то зачем солдат учить стрельбе по хорошо выкрашенным и контрастно выделяющимся на фоне стрельбища крупногабаритным мишеням? Если поле боя нашпиговано осколками снарядов, искореженной техникой, кирпичным крошевом, торчащими балками, обрывками колочей проволоки, мусором, лужами, кустарником, трупами и т. п., зачем учить бойцов на свежвыкошенных, с четко обозначенными дорожками для движения стрельбищах? Командиры военной поры, ставшие психологами в силу обстоятельств, прекрасно понимали, что лозунг «Тяжело в учении — легко в бою» реализуется лишь тогда, когда в учении действительно тяжело, и перестраивали учебные занятия. В наработках этих командиров содержится мощный ресурс будущих побед.

Пятый урок, вытекающий из военного опыта психологии, гласит, что обеспечение эффективности деятельности

практической психологии требует единства психологов. Это единство должно быть организационным, причем как «горизонтальным», так и «вертикальным». У психологического сообщества должен быть лидер, способный объединять людей, генерировать идеи, чувствовать ситуацию, организовывать коллективную деятельность. Если бы в годы войны наши специалисты коллективно осмыслили ситуацию, определили направления совместной деятельности и периодически обменивались опытом работы, мы имели бы более впечатляющие результаты приложения достижений психологии к практике решения боевых задач.

ции по ротации воинских подразделений по этапам боевого порядка;

- знание о временных пределах морально-психологических возможностей воинов и рекомендации о сроках пребывания их в зоне боевых действий и групповой ротации воинов;
- знание об особенностях зрительного и слухового восприятия объектов, о факторах, влияющих на восприятие объектов в боевой обстановке, и рекомендации по войсковой маскировке, ведению меткого огня, наблюдению, разведки;
- знание о закономерностях информационно-психологического противо-

шей в понимании сущности психологии боя и его психологического обеспечения;

- целостная концепция психологического обеспечения боевых действий, раскрывающая его как специальную технологию диагностики, создания, сохранения, восстановления целевого ресурса воинов, необходимого для эффективного выполнения боевых задач и выживания на поле боя.

Однако, к сожалению, ценность этих наработок пока еще не понятна потенциальным заказчикам, потребителям, клиентам. Поэтому возникает важное направление деятельности психолога — сопровождение психологического знания на его пути к практике.

Современной психологии есть, что положить на алтарь победы, и это приношение будет весомо настолько, насколько она сможет извлекать и усваивать уроки из военной истории государства и из своей собственной истории.

Во время Великой Отечественной войны наиболее пытливые и инициативные командиры вынесли для себя урок, что подчиненных нужно готовить к бою на его реальной модели. Они, на свой страх и риск, корректировали требования боевых уставов, руководств и наставлений по огневой подготовке, максимально приближая их к реальной боевой действительности.

Шестой урок, без усвоения которого все остальные уроки останутся знанием, не воплощенным в практику, можно сформулировать так: «необходимо повседневно демонстрировать возможности психологии (в том числе, и военной) в решении жизненно важных задач государства, общества, Вооруженных Сил».

Сегодня военной психологии удалось по крупицам собрать бесценный опыт психологической работы в годы Великой Отечественной войны, последующих военных событий в мире и создать целостную научно-практическую систему. В этой системе немало эвристических идей, технологий, ноу-хау (Караяни А.Г., 1998; 2006; 2009).

Бесценными, с теоретической и практической точек зрения, можно считать:

- знание о системе мотивов, определяющих боевую активность, героизм, отклоняющееся поведение воинов, и рекомендации по психологической подготовке боя;
- знание о пиках переживания военнослужащими страха в бою и учитывающие эти моменты рекомендации о психологически обоснованной расстановке военнослужащих по этапам боя;
- знание о динамике морально-психологических сил воинов, находящихся в непосредственном соприкосновении с противником, и рекоменда-

борства в боевой обстановке и рекомендации по защите войск от психологического воздействия противника;

- знание о законе распространения слухов (одного из главных факторов деморализации военнослужащих) в боевой обстановке и рекомендации по их своевременному выявлению и пресечению;
- психологическая модель боевых действий, позволяющая системно оценивать, прогнозировать и проектировать психологические компоненты боя; соответствующая из этой модели квазиформула поведения воина в бою;
- знание о сущности, видах, уровнях, формах боевого стресса, о моделях боевой психической травмы и конкретные рекомендации по психологической подготовке воинов, по применению методов психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке, по созданию психологически обоснованной траектории такой помощи;
- знание о феномене и содержании посттравматического стрессового расстройства и методы психологической реабилитации ветеранов боевых действий;
- концепция целевого психологического ресурса участника боевых действий, являющаяся системообразую-

Литература

1. Геллерштейн С.Г. Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакогоспиталей. — М., 1943.
2. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В. Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал, — 1985. — №6. — С. 3–7.
3. Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах. — М., 1998.
4. Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. — М.: МГУ, 2009.
5. Караяни А.Г., Сыромяников И.В. Прикладная военная психология. — М.: Питер, 2006.
6. Кекчеев К.Х. Ночное зрение. — М., 1942.
7. Кольцова В.А. Олейник Ю.Н. Деятельность психологов в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. — 1990. — №3. — С. 16–24.
8. Кольцова В.А. Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). — М., 2006.
9. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. — М., 1945.
10. Медведев Д.А. Интервью газете «Известия» // Известия. — 2010. — 7 мая.
11. Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. — 1943. — №9–10. — С. 45–61.
12. Смирнов А.А. Советские психологи — обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. — 1975. — №2. — С. 13–30.
13. Смирнов А.А. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. — 1975. — №4. — С. 124–126.